

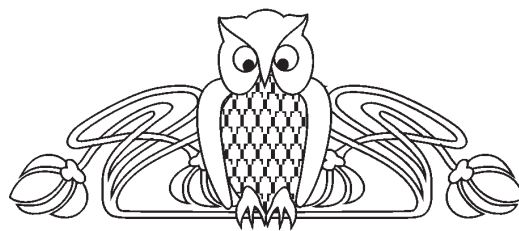

УДК 165.42

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ

М. В. Клёцкин

Клёцкин Михаил Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет, samkoms@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологического значения концепта «ценностное отношение» в процессе познания. Научная новизна исследования состоит в обосновании методологии целостного изучения проблемы роли и места ценностного отношения в системе оснований научного познания. Данная методология предполагает учет социальных, исторических и гносеологических факторов и позволяет тем самым рассматривать развитие науки во взаимосвязи с ценностными установками господствующей научной парадигмы. Утверждается, что становящееся бытие ценностно по своей сути и всегда познается как бытие *значимых* вещей и понятий. Делается вывод, что ценность элементов научной теории является служебной, то есть подчиненной цели исследования. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Оно не только реализуется в отношении между «субъектом» и «объектом» и не только в рамках социального бытия человека, но является формой реализации фундаментального для становления наличного бытия индивида – практического обращения с сущим. С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения различаемых индивидом сущностей, то есть их ценность для индивида.

Ключевые слова: истина, ценностное отношение, научное познание, значимость, полезность, ценность, практика.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260

Современная наука динамично развивается под влиянием изменений в социокультурной сфере, которые оказывают решающее воздействие как на целеполагание научного сообщества и формирование научной парадигмы, так и на восприятие научной деятельности обществом. Кризисные явления в современном естественнонаучном познании частично связаны с поиском ориентиров и ценностной опоры познавательной деятельности. Развитие научного познания, изменение парадигмы научной рациональности требуют рассмотрения динамики трансформации фундаментальных ценностей познания, характеризующих тип взаимодействия между законами природы и миром сознания индивида. «Изменения научной рациональности можно интерпретировать как точки роста новых ценностей, возникающие в рамках современной техногенной культуры» [1, с. 34]. Принципиальная относительность и изменчивость представлений о ценности и истине несет в себе потенциал как

положительных, так и отрицательных изменений в обществе: «Ценно то, что желанно, или, скорее, то, что желаемо, и вот почему любая ценность всегда относительна. Истина не благо: никакое благо неистинно. Вот это и есть та бездна, которая лежит под нашей практической современностью» [2, с. 212]. Анализ содержания и структуры ценностей науки, поиск бытийного основания процесса оценивания, уяснения роли ценностных предпосылок познания подводят нас к необходимости формирования нового взгляда на *ценностное отношение* индивида к мироокружному сущему как на интегративный феномен мироосвоения. Именно это понятие, на наш взгляд, является ключевым для понимания и формирования проблемного поля аксиологии.

Современный тип научной рациональности В. С. Степин назвал «постнеклассическим». Этот тип характеризуется особым состоянием научной деятельности, отличной от предыдущих типов глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности, поскольку «учитывает соотносительность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [3, с. 188]. Прояснение структуры ценностной детерминированности науки является одной из важнейших задач в условиях постоянно меняющейся парадигмы научного познания, поскольку без осознания ценностно-целевых установок мышления упорядоченное и прагматичное достижение истинных знаний становится, на наш взгляд, невозможным. В связи с этим возрастает роль изучения и социокультурной обусловленности научных ценностей. «Внутри гносеологии и философии науки ныне сосуществуют две различные ориентации <...> одна ориентация сохраняет истину в качестве своего регулятива <...> другая ориентация делает акцент на социокультурной обусловленности познания и его регулятивов, рассматривает истину лишь в рамках социокультурного контекста определенной эпохи и определенного научного сообщества» [4, с. 10]. Представления о социальных ценностях

науки и ответственности ученого, сами модусы понимания миссии научного познания кардинально меняются в постнауке XX–XXI вв. и в сравнении с классической научной парадигмой XVIII–XIX вв. Растут глобальная зависимость и ответственность современной науки в выборе ценностей, свидетельством чего является, например, Пагуошское движение ученых [5].

Аксиологические исследования науки должны охватывать не только этику научного познания, но и его антропологические и онтологические основания, должны прояснить *генезис* ценностного отношения, фундамирующего и направляющего познание в процессе решения научных проблем. В 1960 г. вышла в свет книга В. П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», в которой ценность была представлена как специфический феномен культуры, нуждающийся в марксистской интерпретации. «Ценности суть те явления (или стороны явлений) природы и общества, которые являются благами жизни и культуры людей определенного общества или класса в качестве действительности или идеала» [6, с. 3]. Для нас важно различие автором ценности и оценки, которое впоследствии легло в основу становления концепта «ценностное отношение»: «Ценность есть реальное или желаемое явление (факт или идеал), а оценка — отношение к этому явлению <...> зачисление в ценности или отказ в этом зависит от характера указанного отношения: от положительной или отрицательной оценки» [6, с. 3]. Помимо определения «оценки» через родовое понятие «отношение» в этой цитате фактически утверждается, что ценностью является *любое* явление бытия индивида. Эту мысль в 1967 г. развивал О. Г. Дробницкий: «Материальный предмет или действия человека — явления двойного порядка: природное и вместе с тем социальное. Да, наряду с материально-естественным миром есть еще “мир иной” <...> мир общественного бытия человека, “надстраивающийся” над бытием природы» [7, с. 312].

Ценностное отношение мы рассматриваем как связующее звено между бытием индивида (в культурологическом и социальном аспектах) и его практической (в том числе и познавательной) деятельностью — как звено между индивидуальным и сущностным. Обычно ценностное отношение понимают как отношение между «субъектом» и «объектом», в котором субъект наделяет объекты «значимостями», в зависимости от свойств объектов. По мнению М. С. Кагана, «... собственно философский подход предполагает <...> целостное ценностное отношение, «полюсами» которого являются ценность и

оценка; это отношение образуется *особой формой связи объекта и субъекта* и потому несводимо ни к чистой объективности теологического типа, уводящей нас к Абсолютному, ни к “голой” субъективности психологического взгляда, порождающей абсолютную же релятивность ценностных суждений» [8, с. 50].

Ценностное отношение может, на наш взгляд, выступать как один из важнейших факторов процесса создания научной картины мира. Не случайно Хайдеггер, определивший направление развития современной континентальной философии, начинает развертывание своего понимания бытия-в-мире с ценностного концепта «заботы» и представляет *Dasein* (наличное бытие) как «подручное» для осуществления «заботы». Уже в греческом слове *πρᾶγμα*, употребляемом для обозначения единичных вещей, видно «подручное» (ценностное) понимание действительности. *Πρᾶγμα* переводится как «дело», а производное от слова *πρᾶγμα* слово «практика» переводится как целенаправленная деятельность — как все, относящееся к «делу». Наличные вещи — это материал для практической деятельности, вещь с точки зрения ее потребительной ценности. Чтобы изменить сущее, мы должны работать с определенным материалом. Вещи интересуют индивида как материал для деятельности или обмена (в последнем случае он приобретает меновую ценность). Поэтому греки иногда называли окружающие их вещи словом *χρήματα* (от слова *χρή* — необходимо, нужно, средство обмена товарами), т. е. рассматривали их как, прежде всего, нечто ценное.

«Ценностное отношение, будучи осмыслением бытия человеком, становится ориентацией человека в бытии и в его познании, и в его практическом и духовном преобразовании. И так по сию пору — в обыденно-практическом сознании ценности играют роль ориентира целостной деятельности и конкретного поведения людей» [8, с. 184]. Ценность является *результатом реализации потребностей* индивида в изменении своего бытия (как социального, так и природного). Когда мы говорим о практике, о направленном саморазвитии, о желании привнесения в жизнь индивида нравственных установок, то неизбежно обращение к *ценностям как значимым целям и условиям* преобразования бытия. «Моделирование реальности в сознании, ее практическое изменение и дополнение с позиции должного выступает сферой подлинной свободы индивида, который оказывается способным выйти за рамки собственной природно-социальной программы» [9, с. 5]. Ценностное отношение, с этой точки зрения, — имя для бытийного стремления к ове-

ществлению потребностей. Всякая сущность наличного бытия, являясь осуществлением ценностного отношения (как формы практического отношения) индивида к сущему, *ценна*. Бытие не просто находит сущее как данность, а воспроизводит его (а значит и себя) в сознании в образе пригодном для потребления. Осознанное (наличное) бытие имеет, таким образом, структуру, *подчиненную необходимости сознательной деятельности – практики*. Наличное бытие никогда не является «просто наличным», созерцательным, оно всегда для чего-то, всегда пригодно. *Бытие в качестве пригодной (ценной) есть истинное бытие вещи в ее осознанной форме* – то, чем стало материальное бытие вещи в модусе наличности.

Познание же опосредует реализацию ценностного и, значит, практического отношения индивида к мироокружному сущему. Ценностное отношение и оценка могут быть интерпретированы как способы создания индивидом смысловых форм осмысления мира сущего, внесения в действительность преобразующих ее потребностей. Так индивид создает ценностную действительность, в которой не только представлено сущее, но и указывается направленность изменений. Ценностное отношение, по нашему мнению, реализуется в любом акте познания и действия человека. Даже в квантовой механике элементарный акт восприятия физического явления основан на фундаменте ценностного освоения сущего, поскольку квантовая механика возвращает в физику наблюдателя, его *отношение* к мироокружному сущему. Становящееся бытие ценностно по своей сути и всегда познается как бытие *значимых* вещей и понятий. Русское слово «значимость» не случайно указывает одновременно как на ценностный, так и на знаковый характер осмысления действительности. Ученый-практик ищет не абстрактную созерцательную истину, а соответствия знания целям и потребности изменения сущего, которое становится понятным как оформленная в действительность целостность ценностных отсыланий. Даже истина, рассматриваемая в социокультурном аспекте, всегда ценностна. «Коль скоро истинность высказываний удостоверяется соответствием их нормам научности, а это соответствие, по определению, и есть ценностное отношение, то *истина и ценность, по существу, диалектически связаны и неотделимы друг от друга*» [10, с. 214].

Утверждая, что ценностное отношение должно представляться в философии как субъектно-объектная связь, некоторые философы оставляют ценностное отношение в сфере наличности бытия, отказываясь от исследования

глубинных пластов бытия сущего, прежде всего от исследования ценностного аспекта *практики* как специфически человеческой формы освоения сущего, играющей интегративную роль в философском осмыслении действительности. Отсюда следовали утверждения, что значения предметов существуют независимо от субъекта (а значит до их осмысления), т. е. значения как бы предзаданы познанию и «открываются» подобно физическим свойствам вещей. Например, М. С. Каган ищет основу ценностного отношения в существующем независимо от субъекта «значении», осмысление которого открывает культурную ценность объекта, словно ценность «объекта» существует сама по себе. «*Смыслом* становится значение объекта *для меня как субъекта*, и вне моей субъективности он не существует. Осмыслить и значит *наделить смыслом*, значение же познается как нечто внешнее по отношению ко мне как субъекту и от меня независимое» [8, с. 53]. В этой концепции сущее удваивается, ведь помимо самого сущего независимо от субъекта здесь должны существовать «значения» объектов. При этом М. С. Каган однозначно не согласен с позицией Макса Шелера, онтологизирующего ценности: «неправомерно считать ценность не отношением, а неким «качеством», как утверждал М. Шелер, отстаивая типичную для объективного идеализма точку зрения, онтологизирующую ценности в религиозном понимании высшего бытия» [8, с. 67]. К сожалению, сам автор был недостаточно последователен, поэтому оставил в своей аксиологической концепции лазейку для объективизации ценностей в виде «значений» в бытии культуры.

В качестве альтернативы противоположности между объективизмом и субъективизмом в понимании ценностей морали Л. В. Максимов предложил теорию «квазиобъективности» – компромисс, основанный «на выявлении тех сущностных свойств морального сознания, которые могут быть квалифицированы как “объективные” только в определенном специфическом отношении и при определенной трактовке самого понятия объективности. Признание таких – “квазиобъективных” – свойств вполне совместимо со многими субъективистскими интерпретациями морали» [11, с. 29]. Если общезначимые (квазиобъективные) признаки морали действительно присутствуют в разнообразии ее норм, то это не доказывает правоту этического объективизма, отрывающего мораль от человека. «Содержательная общезначимость моральных норм вполне объяснима действием естественных – социальных и, возможно, также природных – детерминирующих факторов» [11, с. 48].

Нерешенные проблемы классической аксиологии (абсолютны или относительны ценности, каковы способы бытия ценностей, каким образом происходит становление ценностного бытия, чем обусловлена динамика ценностей и др.), а также незавершенность имеющихся определений ценности указывают на необходимость выявить возможности неклассической философской парадигмы для нового обоснования аксиологии. Такое обоснование должно стать опытом самопознания индивида, в результате которого выяснятся условия развития и воспроизводства жизненного мира человека. С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения различаемых индивидом сущностей, т. е. их ценность для индивида. Обогащение знаний о мире во время научных революций происходит не путем простого накопления фактических знаний, а путем перестройки всей системы знаний и смены ценностных установок ученых при обращении с сущим. При смене научных парадигм меняются онтологические принципы и идеалы познания, меняется форма осознания процесса достижения адекватности знания своему предмету. «Мы всегда должны быть готовы изменить эти [фундаментальные научные] представления, т. е. изменить аксиоматическую базу физики, чтобы обосновать факты восприятия логически наиболее совершенным образом» [12, с. 136].

Ценность элементов научной теории (если эта теория имеет четкие, логически непротиворечивые критерии истинности и аксиоматические основания) является, в рамках этой теории, служебной, т. е. подчиненной цели исследования. И истинность этих элементов часто определяется в зависимости от результативности теории. От представлений об абсолютной истинности аксиоматики и онтологии ньютоновской физики, например, отказались после осознания невозможности ее использования для объяснения явлений микромира. То, что помогает решать проблемы, встающие перед индивидом, становится положительно окрашенным знанием, то, что мешает, – отрицательно окрашенным и не приносящим удовлетворения. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Эта система ориентиров задает ценност-

ную структуру научных теорий. Познание, в том числе и научное, неразрывно с оцениванием, а ценностные предметы действительного бытия индивида становятся субъектами (основаниями) ценностных суждений.

Итак, мы утверждаем, что ценностное отношение существует не только в отношении между «субъектом» и «объектом» и не только в рамках социального бытия человека, но является формой реализации фундаментального для становления наличного бытия индивида – *практического обращения* с сущим. Гуманизация науки, учет человеческого фактора в познании неизбежно меняют понимание места теории ценностей в философии постнеклассической науки, требуют нового понимания ценностной детерминации научного познания, исследования ценностно-целевых структур субъекта научной деятельности, их бытийной укорененности. Скажем больше: стоит задача нового онтологического обоснования самой аксиологии, исследования ценностного мира индивида, его творческих возможностей.

Список литературы

1. Степин В. С. Философия и религия в социокультурном контексте // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009. С. 22–35.
2. Комт-Спонвилль А. Ценность и истина : циничные очерки. Самара, 2002. 256 с.
3. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. 191 с.
4. Огурцов А. П. Благо и истина : линии расхождения и схождения // Благо и истина : классические и неклассические регулятивы. М., 1998. С. 5–38.
5. Рыжов Ю. А., Лебедев М. А. Юбилей Пагуошского движения // Вестн. РАН. 2007. Т. 77, № 10. С. 938–948.
6. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960. 155 с.
7. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М., 1967. 351 с.
8. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997. 205 с.
9. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия : опыт экзистенциальной аксиологии. М., 2003. 240 с.
10. Черняк В. С. Ценностные аспекты коперниканской революции // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998. С. 214–237.
11. Максимов Л. В. Квазиобъективность моральных ценностей // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 27–50.
12. Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М., 1967. Т. 4. 315 с.

Образец для цитирования:

Клёцкин М. В. Ценностное отношение и познание // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 256–260. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260

Value Relation and Cognition

M. V. Kletskin

Mikhail V. Kletskin, Samara State Medical University, 89, Chapayevskaya Str., Samara, 443099, Russia, samkoms@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the ontological meaning of the concept of «value relation» in the process of cognition. The scientific novelty of the research consists in substantiating the methodology of a holistic consideration of the problem of the role and place of the value relation in the system of bases of scientific cognition. This methodology assumes the consideration of social, historical and epistemological factors and allows us to consider the development of science in connection with the values of the dominant scientific paradigm. It is argued that becoming being is valuable in its essence and always known as being of significant things and concepts. The conclusion is that the value of the elements of the scientific theory is on-duty, that is, the subordinate goal of research. The value relation fixes on the preconscious level positive and negative guidelines that form a complex system of various methods for achieving certain goals of cognition. It is realized not only in the relation between the “subject” and the “object” and not only within the framework of the social being of man, but is a form of realization of the fundamental for the emergence of the existing being of the individual – the practical handling of entity. With the change in knowledge of the entity, the methods of its use change, and, consequently, the meaning of the essences that are distinguished by the individual, that is, their value for the individual.

Key words: truth, value relation, scientific cognition, significance, utility, value, practice.

References

1. Stepin V.S. *Filosofiya i religiya v sotsiokulturnom kontekste* [Philosophy and religion in the sociocultural context]. In: *Tsennostrnyy diskurs v naukakh i teologii* [Value Discourse in the sciences and theology]. Moscow, 2009. pp. 22–35 (in Russian).
2. Comte-Sponville A. *Valeur et vérité: Études cyniques*. Paris, 1994. 282 p. (Russ.ed.: Comte-Sponville A. *Tsen-nost i istina: tsinichnye ocherki*. Samara, 2002. 256 p.).
3. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow, 1992. 191 p. (in Russian).
4. Ogurtsov A. P. *Blago i istina: linii raskhozheniya i skhozheniya* [Good and truth: lines of divergence and convergence]. In: *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie regulyativy* [Good and truth: classic and non-classical regulators]. Moscow, 1998. pp. 5–38 (in Russian).
5. Ryzhov Ju. A., Lebedev M. A. Jubiley Paguoshskogo dvizheniya [Jubilee of the Pugwash movement]. *Vestn. RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2007, vol. 77, no. 10, pp. 938–948 (in Russian).
6. Tugarinov V. P. *O tsennostyah zhizni i kultury* [On the values of life and culture]. Leningrad, 1960. 155 p. (in Russian).
7. Drobnitskiy O. G. *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [The world of living things. The problem of value and marxist philosophy]. Moscow, 1967. 351 p. (in Russian).
8. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. St. Petersburg, 1997. 205 p. (in Russian).
9. Baeva L.V. *Tsennostrnye osnovaniya individualnogo bytiya: opyt ekzistentsialnoy aksiologii* [Value foundations of individual being: an existential axiology experience]. Moscow, 2003. 240 p. (in Russian).
10. Chernyak V. S. *Tsennostrnye aspekty kopernikanskoy revolyutsii* [Value aspects of the copernican revolution]. In: *Blago i istina: klassicheskie i neklassicheskie regulyativy* [Good and truth: classic and non-classical regulators]. Moscow, 1998, pp. 214–237 (in Russian).
11. Maksimov L. V. *Kvaziobektivnost moralnykh tsennostey* [Quasiobjectivity of moral values]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2005, no. 6, pp. 27–50 (in Russian).
12. Einstein A. *Sobr. nauch. tr.: v 4 t. T. 4* [Collection of scientific papers: in 4 vols.]. Moscow, 1967. Vol. 4. 315 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kletskin M. V. Value Relation and Cognition. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 256–260. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-256-260